

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№) . . 20 франковъ
> 3 мѣсяца 6 »
> 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просятъ обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 18 февраля 1882
6 февраля

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Китайскій социализмъ гр. Игнатъева и московскихъ народниковъ. — 2) Копенгагъ и политика трехимперскаго союза. — 3) Преемникъ барона Николая. — 4) Уточка обрусенія въ прибалтийскомъ краѣ. — 5) Прекращеніе «Порядка» и опасенія «Недѣли». — 6) Изгнаніе П. Л. Лаврова и порицаніе французскаго министра «Голосомъ». — 7) Діонизій III санктъ-петербургскій и Платонъ II московскій. (Сравнительно-историческая игра природы) М. Драгоманова. — 8) Открытое письмо редактору «Вольнаго Слова» (изъ Сераева), Православнаго Славянина изъ Босніи. — 9) Письма о рабочемъ движеніи, XIV, П. Аксельрода. — 10) Мелочи: Пересыраніе фактовъ изъ внутренней русской жизни иностранными газетами; сочувственный адресъ Гамбетты французскимъ позитивистамъ; неизвѣстно для какой надобности пущенный слухъ. — 11) Литературныя объявленія.

ЖЕНЕВА, 18 февраля 1882 г.

Въ неразумномъ испугѣ пятясь назадъ передъ призракомъ европейской гражданственности, русское правительство все ближе и ближе подходит къ началамъ, много столѣтій тому назадъ положеннымъ въ основаніе государственно-экономическаго строя Небесной Имперіи. Бывшій посолъ въ Китаѣ, графъ Игнатъевъ, дѣлаетъ всѣ усилія для осуществленія идеала, представившагося болѣзненному воображенію Достоевскаго въ видѣ «христіанскаго» социализма и выдаваемого Иваномъ Аксаковымъ за общерусскую и даже всеславянскую самобытность. Судя по задуманнымъ и частію уже приведеннымъ въ исполненіе мѣрамъ правительства послѣдняго времени, а также по пользующимся большимъ кредитомъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ передовымъ (по мѣсту, разумѣется, а не по направленію) статьямъ «Руси» и письму редактора этой московской газеты къ не получившему никакого политическаго образованія ci-devant прусскому поручику, а нынѣ князю болгарскому, — наши «оздо-

ровители корней», «возродители національно-народной Россіи» остановились на разрѣшеніи слѣдующихъ задачъ:

Подѣлъ всего государства на земледѣльческія общины, лишеныя всякаго политическаго значенія.

Воспитаніе всѣхъ въ духѣ православной церкви.

Обще-обязательный государственный языкъ.

Повсюдное единообразіе политическихъ нравовъ и учреждений.

Уравненіе всѣхъ въ общемъ безправіи передъ всеильною единоличною властью.

Почтительное отношеніе главы государства только къ духовенству (разумѣется, православному).

Обращеніе верховнаго правителя съ подданными, какъ отца съ дѣтьми; откуда вытекаютъ какъ бы нравственные для него обязанности:

каратъ и миловать по внушенію совѣсти, а не на основаніи положительныхъ законовъ, только стѣсняющихъ свободу совѣсти;

выслушивать мнѣнія подданныхъ когда вздумается и о чемъ заблагоразсудится; руководствоваться высказанными мнѣніями, на сколько пожелается;

самому избирать себѣ пособниковъ въ управленіи страной, блюстителей исполненія и исполнителей своей нигѣмъ и ничѣмъ неограничиваемой воли, которая одна издастъ и отмѣняетъ законы.

Отвѣтственность правительственныхъ лицъ передъ одною только верховною властью, или передъ кѣмъ она укажетъ, да передъ богомъ — на страшномъ судѣ

Мы ставимъ точки, потому что перечень задуманныхъ все въ томъ же родѣ благотѣній далеко не оконченъ, но мы не считаемъ себя въ правѣ утомлять вниманіе читателей изложеніемъ дальнѣй-

шихъ «предначертаній» въ духѣ общерусской, «всеславянской самобытности». Остановимся на разборѣ нѣкоторыхъ практическихъ частностей.

Прежде всего самъ собою подвѣрживается вопросъ: развѣ кто нибудь можетъ быть болѣе полнымъ, болѣе истиннымъ носителемъ «народныхъ началъ, національной сущности», кромѣ самой націи, самого народа?

Очевидно нѣтъ.

Такъ какимъ же образомъ государственная власть, не вытекающая изъ народнаго представительства, въ лицѣ своихъ агентовъ отъ мала до велика живущая обособленно отъ массъ жизнью, чуть ли не стоящая лагеремъ среди народа, можетъ руководить подвластными ей въ духѣ «народной самобытности»?

Очевидно не можетъ.

Но именно для этого, для того, чтобы власть не могла уклониться въ сторону отъ «народной самобытности», и необходимо, говорятъ намъ, «единеніе власти съ народомъ».

Хорошо. Но развѣ возможно единеніе съ началомъ враждебнымъ, чуждымъ по мысли и чувству народному духу? А такова именно стоящая лагеремъ среди народа наша нынѣшняя государственная власть, представляемая сонмомъ всякаго ранга чиновниковъ, своеобразно воспитанныхъ, замкнутыхъ въ бюрократическую касту. Стало быть, въ видахъ единенія власти съ народомъ, прежде всего необходимо измѣнить личный составъ правителей, взять ихъ изъ самого народа и поставить сразу въ такія отношенія къ послѣднему, чтобы съ теченіемъ времени они не могли выродиться въ то крапивное семя, отъ котораго пошло и разрослось наше нынѣшнее чиновничество. Измѣнить личный составъ, конечно, легко, но вѣдь не въ этомъ суть дѣла, а въ томъ, чтобы представителю или агентовъ власти поста-

тиги, и перейдемъ къ цѣлямъ третьяго и главнаго члена трехимперскаго союза, двигающаго ту и другую на Востокъ.

Въ преемники барону Николаи по мѣсту министра народнаго просвѣщенія прочтѣть статс-секретаря Делянова. Мы имѣемъ основаніе думать, что маленькій армянинъ взбирается на министерскій постъ по дорогѣ, проложенной директоромъ ликея цесаревича Николая, и, слѣдовательно, будетъ лишь подручнымъ челоѣкомъ всеявшаго по части народнаго омраченія Михаила Никифоровича. Не даромъ же отложенъ въ долгій ящикъ пересмотръ устава реальныхъ училищъ!

Г. Иванъ Аксаковъ, въ виду предстоящей ревизіи сенаторомъ Манасеинымъ губерній Курляндской и Лифляндской и подъ предлогомъ защиты національных правъ Чуди и Латышей, начинаетъ закидывать въ прибалтійскій край удочку обрусенія. Въ № 5 «Руси» читаемъ: «Сорокъ тысячъ русскихъ, проживающихъ въ Ригѣ, почти лишены защиты предъ судами потому только, что не знаютъ языка нѣмецкаго, языка численно ничтожнаго мѣстнаго меньшинства, а знаютъ лишь языкъ государственный». Здѣсь все неправда: во первыхъ, многіе изъ русскихъ, проживающихъ въ Ригѣ, знаютъ нѣмецкій языкъ; во вторыхъ, русское населеніе относится въ Ригѣ къ нѣмецкому, какъ 26:44, слѣдовательно нѣмцы въ этомъ городѣ не «численно ничтожное меньшинство», а значительное большинство, и при томъ наиболѣе культурное*); въ третьихъ, населеніе латышское въ Ригѣ почти равняется русскому**) и, слѣдовательно, для официальныхъ сношеній въ этомъ городѣ, по справедливости, должны быть допущены всѣ три языка: нѣмецкій, русскій и латышскій, а не конимъ образомъ не одинъ нашъ государственный, т. е. великорусскій языкъ, на которомъ говоритъ менѣе четвертой части (40,000) всего населенія Риги (164,685 душъ по переписи нынѣшняго года).

Прекращеніе „Поряда“ и опасенія „Недѣли“.

26 № «Голоса» принесть намъ извѣстіе о томъ, что редакция «Поряда» рѣшилась не издавать болѣе въ 1882 г. своей газеты. И такъ, даже эта, столь сдержанная газета, которая только старалась не выходить изъ предѣловъ порядочности и минимума критическаго отношенія къ тому, что дѣлается въ Россіи, — оказалась не въ состояніи продолжать свою службу обществу при теперешнемъ правительствѣ, руководимомъ пророками «жизни духа — духа жизни». А еще находятся новые глашатаи «народной политики», которые опасаются въ Россіи «насилія» со стороны «либерализма». (Недѣля, 1882, № 4) О, простота! простота!

П. Л. Лавровъ 13 февраля уѣхалъ изъ Парижа въ Лондонъ, адресовавъ передъ

*) См. Nouv. Géogr. Univ. par Elisée Reclus, V, l'Europe scandinave et russe, стр. 382.

**) Тамъ же.

выѣздомъ письмо къ деп. Клемансо, напечатанное въ Justice. Въ письмѣ этомъ между прочимъ выражается надежда, что самое изгнаніе отѣзжающаго изъ Франціи послужитъ къ усиленію подлинки въ пользу жертвъ политическихъ преслѣдованій въ Россіи. При соединяясь къ голосамъ, съ сожалѣніемъ проводившимъ Петра Л. Лаврова на новое мѣсто изгнанія, мы въ слѣдующемъ номерѣ помѣстимъ статью объ общихъ сторонахъ этого печальнаго случая. Теперь же скажемъ два слова по адресу «Голоса». Эта либеральная газета сочла долгомъ забѣжать въ лакейскую петербургскаго кабинета и выразила порицаніе французскому министру за принятое имъ намѣреніе измѣнить законъ о высылкѣ иностранцевъ такъ, чтобы эта мѣра зависла впредь отъ суда, а не отъ одного только административнаго произвола. Какую же цѣну имѣютъ послѣ этого заботы «Голоса» о «правовомъ порядкѣ» въ Россіи?!

ДІОНИЗІЙ III САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ И ПЛАТОНЪ II МОСКОВСКИЙ.

Сравнительно-историческая игра природы.

Такъ какъ значительная часть нашихъ читателей должна была получить воспитаніе во время усипенныхъ заботъ о классическомъ образованіи, но не столько для него самого, сколько для убіенія въ ихъ отечествѣ духа оппозиціи, пущеннаго въ европейское челоѣчество классическимъ титаномъ Прометеемъ, — то мы врядъ-ли ошибемся, если сдѣлаемъ обидное, при другихъ условіяхъ, предположеніе, что они, читатели, не очень далеко ушли въ исторіи одного изъ важнѣйшихъ городовъ классической древности, — Сиракузы. Между тѣмъ знать исторію Сиракузъ слѣдовало бы вообще, а россиянамъ въ особенности, въ виду многихъ сходствъ между этимъ городомъ и столицей русскаго государства.

Конечно, въ Сиракузахъ лимоны зрѣютъ, а въ Петербургѣ они только поѣдаются, но лимоны дѣло неважное, особенно для людей трезвыхъ. За то Сиракузы — портъ, и С.-Петербургъ, если не совѣмъ и ортъ, такъ окно, (ужъ стеклянное ли, или соломенное, это другой вопросъ); Сиракузы — бывшая колонія грековъ среди варваровъ, Петербургъ — колонія русскихъ среди чухновъ и колонія нѣмцевъ, а еще болѣе нѣмокъ, среди русскихъ (какія изъ этихъ трехъ или даже четырехъ націй эллины, а какія варвары, мы рѣшать не беремся); напротивъ Петербурга лежитъ крѣпость на островѣ — Кронштадтъ, напротивъ Сиракузъ лежала такая жъ крѣпость — Оргигия; Сиракузы кипѣли полчищами наемниковъ, Петербургъ кипѣетъ полками гвардейцевъ и дружинами всякой охраны; Сиракузы лежали на вулканической почвѣ между двухъ вулкановъ, — Петербургъ лежитъ на динамитѣ и живетъ отъ одного взрыва до другого. Главное же, и Сиракузы, и Петербургъ будятъ на вѣки славны въ исторіи тѣмъ, что порождаетъ и крѣпости, и наемниковъ, и гвардейцевъ, и охраны, и динамиты, — а именнo тиранами или самодержцами.

Даже отличія между Петербургомъ и Сиракузами, при нѣкоторомъ ученomъ анализѣ, оказываются не такъ то уже большими, какъ съ перваго раза могутъ подумать профаны.

Такъ, напр., недавно одинъ московскій ученый доказалъ, что столь излюбленный русскими властями Макарь, который куда то телятъ гоняетъ, (и отчего это статуя сего бога не поставитъ, вмѣсто орла, на зеркалахъ, замѣнивъ на нихъ странные указы Петра Великаго троекратнымъ фюйпть?) есть ни что иное, какъ эллино-финикійскій Геркулесъ-Мелькартъ-Макаръ, (онъ же и московскій Таракашка) гоняющій быковъ солнца. А такъ какъ ученые давно уже добрались, что быки эллискаго солнца помѣщались пгдѣ, какъ въ Сцилліи, то между Сиракузами и Петербургомъ оказывается разница въ томъ, что эллисскій Макаръ гонялъ своихъ быковъ по солонѣ, на Западъ, т. е. въ Сиракузы, тогда какъ русскіе Макары, всегда петербургскому Обер-Макару подчиненные, гоняютъ своихъ телятъ (т. е. насъ грѣшныхъ, не дошедшихъ даже до чина быковъ,) противъ солнца, на Востокъ. Разница, конечно, существенная — и для телятъ, взявъ во вниманіе географическія условія, весьма чувствительная. Но все таки, согласитесь, что эта локализация въ Сцилліи общечелоѣческаго бога, культъ котораго принялъ столь самобытную форму въ государствѣ, коего столицей служитъ Петербургъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто провиденціальное.

Провидѣнію угодно было, въ его деспотической игрѣ съ смертнымъ, простереть аналогію между Петербургомъ и Сиракузами до того, что теперь на нашихъ глазахъ въ Невской Пальмпрѣ совершается повтореніе сиракузской исторіи тирана Діонизія II съ философomъ Платомomъ, — при чемъ роль Діонизія Діонизіевича II, какъ читатель уже, конечно, догадался, играетъ Александръ Александровичъ III, роль же философа Платона Аристовича изъ Аенія исполняетъ нкто другой, какъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ изъ Москвы, само собою разумѣется, при различіяхъ, опредѣляемыхъ заранѣе разницею «климата, пищи и общаго вида природы» — московской и аенійской.

Это, съ перваго раза удивительное, но, при указанныхъ аналогіяхъ между Сиракузами и Петербургомъ, довольно естественное, явленіе было нами предсказано еще три съ половиною года назадъ въ Громадѣ, т. II, 1878 г. на стр. 441—443 (говорите послѣ этого, что политика не то, что астрономія съ ея предсказаніями!) А потому мы нѣкоторымъ образомъ обязаны подѣлиться съ публикою и нашими дальнѣйшими наблюденіями надъ петербургскимъ тираномъ и московскимъ любомудромъ, хотя, признаемся, всѣ эти петербургско-московскіе тираны и любомудры такъ намъ надоѣли, что мы бы, богъ знаетъ, что дали, если бъ можно было забыть ихъ хоть на годикъ — другой.

Начнемъ же по порядку и, какъ прилично, въ серьезномъ сравнительно-историческомъ этюдѣ, съ указанія источниковъ. — Источники эти, впрочемъ, немногочисленны, хотя самаго лучшаго качества: для части сиракузской — писма самого Платона и Биографіи Плутарха, а для части петербургской — газета «Русь» самого И. С. Аксакова.

Изъ классическихъ источниковъ, читатель, вы можете узнать слѣдующее: Между 405 и 368 годомъ до Р. Хр. правилъ въ Сиракузахъ тиранъ Діонизій I Старшій. Такъ какъ онъ былъ тиранъ не по наслѣдству, то, конечно, превосходилъ во многомъ издавна помазываемыхъ муромъ и содержимыхъ въ дворцовомъ певѣдѣнн самодержцевъ династій Голштейнъ-Готторнской. Между прочимъ, и литература и наука все такъ уважались при дворѣ его гораздо болѣе, чѣмъ въ петербургскомъ главномъ правленіи по дѣламъ печати и министерствъ народного просвѣщенія. А потому, когда Сиракузы посѣтилъ аѳинскій академикъ (не ординарный) Платонъ, то встрѣтилъ даже въ близкихъ къ тирану кругахъ приемъ гораздо болѣе радушный, чѣмъ сама Сарра Бернаръ въ первое свое представление въ Петербургѣ, и даже былъ представленъ самому тирану, — чего не добились даже М-те Adam. Впрочемъ, старый тиранъ не остался доволенъ разговорами Платона и даже, говорятъ, устроилъ ему на обратномъ пути въ Аѳины пѣкую каверзу. Но и Платонъ остался недоволенъ Сиракузами: недоволенъ и тиранією (все такъ аѳинянинъ!) и ея beau monde'омъ, особенно его роскошными обѣдами у тамошнихъ Борелей. Платонъ находилъ, что послѣ такихъ обѣдовъ, люди ни къ чему путному не могутъ быть способны. Недовольство свое Платонъ выразилъ и кой кому изъ сиракузянъ, между прочимъ, особенно богатому родственнику старого тирана, Діону, о которомъ послѣ. Сынъ и наслѣдникъ тирана, Діонизій Діонизіевичъ, какъ всякій наслѣдникъ, тоже недоволенъ былъ ходомъ дѣлъ, которымъ не онъ управляетъ, а потому и онъ отнесся сочувственно къ платоновой критикѣ, переданной ему вскользь Діономъ. И стали они понемногу либеральничать на платоновскія темы — объ оздоровленіи корней. Тутъ же старый тиранъ умираетъ и Діонизій II вступаетъ на престолъ, уже, можно сказать, родительскій, и получаетъ возможность осуществить свой наслѣдническій либерализмъ, идеи объ оздоровленіи корней и прочее въ такомъ родѣ. Черезъ Діона онъ передаетъ Платону приглашеніе пріѣхать въ Сиракузы въ качествѣ самаго свѣдущаго на счетъ оздоровленія корней человѣка. Платонъ принимаетъ приглашеніе, льстя себя мыслию показать міру — и эллинамъ, и варварамъ (г. Аксаковъ о варварахъ бы думать не сталъ), — что значитъ союзъ власти и философіи.

Но, — о боги! — какъ же въ лицѣ Платона опозорилась философія и передъ эллинами, и передъ варварами! А опозорилась она, главнымъ образомъ, потому, что вмѣсто того, чтобы, какъ прилично философіи, дѣйствовать независимо, среди свободныхъ людей, вздумала дѣйствовать именно въ союзѣ съ властію.

Молодой самодержецъ сгорая хотѣлъ было отказаться отъ своей власти и возстановить въ Сиракузахъ демократическую республику, — но его отговорили отъ исполненія этого плана именно философы: Діонъ съ Платономъ. По крайней мѣрѣ, самъ Діонизій рассказывалъ объ этомъ потомъ совершенно опредѣленно. Платонъ же, хотя и опровергалъ это показаніе, но не вполне, а косвенно подтверждалъ его своими рассказами объ отношені-

яхъ къ тирану, своимъ и своего пріятеля, Діона. Довольно вѣроятно, что самодержецъ нѣсколько привиралъ, особенно тогда, когда Діонъ поднялъ противъ него революцію, такъ какъ совѣтъ, начисто отказаться отъ власти — самодержцы добровольно никогда не отказываются. Но несомѣнно, что въ началѣ Діонизій Діонизіевичъ обнаруживалъ довольно либеральные порывы. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ прібытія почтеннаго гостя изъ аѳинской республики, Діонизій на одномъ торжественномъ собраніи произвелъ чистый скандалъ: когда герольдъ провозгласилъ обычную фразу: «да будетъ долго ненарушима власть самодержца»! — Діонизій закричалъ: «остановись! не призывай на насъ такого проклятія!» Очевидно, что, возмись Діонъ съ Платономъ за дѣло съ толкомъ, то кой какую конституційку получить съ Діонизія было бы возможно, — а тамъ, при помощи философіи, обращенной уже не къ одному двору, а ко всей публикѣ, можно бы было и до чего нибудь болѣе существеннаго доработаться. Но философы, Платонъ съ Діономъ, вмѣсто того, чтобы ковать желѣзо, пока оно горячо, стали «мудрить съ жизнью», какъ выражается И. С. Аксаковъ (и очень хорошо выражается!) Они задумались: какой будетъ прокъ отъ республики въ Сиракузахъ? Видите ли, Платонъ, наблюдая жизнь въ своемъ городѣ и около, пришелъ къ заключенію, что всѣ политическія формы настоящаго времени — тиранія, олигархія и демократія, въ дѣйствительности плохи и что «одна философія можетъ указать границу между правдою и неправдою, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для правителей».

Идея это, коли хотите, вѣрная въ томъ смыслѣ, что для разума устройства общественныхъ дѣлъ, особенно болѣе сложныхъ, каковыми они уже стали въ эпоху Платона даже въ городскихъ государствахъ, нужно пониманіе ихъ и умѣніе соглашать общіе и частные интересы, для чего прежде всего нужно весьма сложное воспитаніе и лицъ, и общества. Но дѣло въ томъ, что дойти до такого воспитанія люди могутъ только собственнымъ опытомъ, т. е. не иначе, какъ посредствомъ свободы. Платонъ же, сравнивая свой идеалъ человѣка съ дѣйствительными экземплярами двуногихъ животныхъ безъ перьевъ, представлялъ себѣ послѣднихъ такими уже ничтожествами, такими дѣтьми, что дать имъ свободу считалъ опаснымъ для ихъ же собственной пользы, покуда они не будутъ научены различать точную «границу между правдою и неправдою». Подобно Платону думаютъ многіе философы (напр., теперь почти всѣ люди науки во Франціи) и оттого они или стоятъ за всякую власть, хотя бы и столь далекаго отъ добродѣтели Наполеона III, или же лѣзутъ сами во власть, или же, — и это самое благоразумное, — пессимистически махаютъ рукою на всякую политику, а занимаются каждый исключительно своею спеціальностію. Что до Платона лично, то, къ сожалѣнію, въ его время еще науки не были специализированы, и въ кругъ его философіи входила столько же политика, сколько и геометрія, — а потому ему оставалось или добиваться власти, или къ ней прилаживаться. Какъ человѣкъ добродѣтель-

ный, онъ думалъ не о себѣ, а о человечествѣ *) — и, считая людей за испорченныхъ или за дѣтей, онъ пришелъ къ заключенію, что конецъ «бѣдствіямъ человечества паступить только тогда, когда во главѣ правительства станутъ истинные философы, или же когда, божественнымъ промысломъ, властелины государствъ станутъ сами философами».

Послѣднее, пожалуй, было бы и недурно, еслибы можно было какъ нибудь подбѣе божественный промыселъ къ откомандированію съ неба на землю нѣкотораго количества ангеловъ-философовъ въ властелины государствъ, а при теперешнихъ большихъ государствахъ, такъ и въ губернаторы и даже, пожалуй, въ становые пристава и урядники. Только что жъ вы сдѣлаете съ Зевсомъ, о которомъ еще кой кто изъ древнихъ философовъ, подогадливѣе, замѣтилъ, что онъ или вовсе не заботится о смертныхъ, или даже такъ глупъ, что чаще всего бьетъ молніей свой же собственныи храмъ на Суніонѣ? Очевидно, что смертнымъ надо устроиваться какъ нибудь «домашними способами». И смертнымъ философамъ приходится чаще всего выбирать между существующею «неразумною толпою» и существующими властелинами, — и позоръ, и горе тому философу, который предпочтетъ имѣть дѣло съ послѣдними, вмѣсто того, чтобы возгнѣться съ толпою, при всемъ ея неразуміи! Платонъ — предпочелъ властелина, и такъ какъ онъ предпочелъ его съ добрыми намѣреніями, а не для корысти, то тѣмъ паче оprostоволился.

Какъ сказано было, Платонъ съ Діономъ ничего добраго не ожидали отъ испорченныхъ сиракузянъ; философы опасались, что сиракузяне не станутъ ихъ слушаться, если они начнутъ говорить къ нимъ, какъ простые смертные, а не какъ власть имѣющіе. Въ добавокъ, и тутъ примѣшались своего рода страхъ сепаратизма и своего рода обрусеніе и борьба съ интригою: опасеніе, какъ бы не распалось созданное Діонизіемъ I, хотя и кровавымъ путемъ, но большое государство изъ городовъ греческихъ и варварскихъ въ Сициліи и южной Италіи, и какъ бы варвары итальянскіе и карфагенскіе не взяли верхъ надъ греками, пока тѣ будутъ заняты устройствомъ своего самоуправленія: ибо вѣдь, если дать самоуправленіе Сиракузамъ, то пришлось бы дать его и подчиненнымъ городамъ. По всѣмъ этимъ и подобнымъ соображеніямъ, философы, Платонъ съ Діономъ, рѣшились охладить порывы конфузидгоса своего самодержавія тирана и, вмѣсто политическаго идеала самоуправляющейся и саморазвивающейся демократіи, поставили передъ нимъ педагогическій идеалъ отца и дѣтей да добродѣтельнаго, умнаго и твердаго персидскаго царя Дарія, который выбралъ себѣ семь такихъ же добродѣтельныхъ, умныхъ и твердыхъ друзей и поставилъ ихъ правителями надъ семью областями своего обширнаго государства, каковое онъ такъ укрѣпилъ, что оно стоитъ твердо и до сего дня. (Платонъ писалъ это

*) Хотя, впрочемъ, писъмецо его къ Діонизію II на счетъ пособія на приданое племянницѣ бросать, на аѳинскаго философа столь же маленькую тѣнь, какъ и банковая служба на московскаго.

всего за тридцать лѣтъ до знаменитаго краха персидской монархіи, произведеннаго вторженіемъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ арміи Александра Македонскаго.) Платонъ съ Діономъ посовѣтовали и Діонизію прежде всего позаботиться о томъ, чтобъ приобрести повсюду, въ подчиненныхъ ему городахъ, друзей, подобныхъ Даріевымъ, а для этого начать съ того, чтобъ самому приготовить себя до способности выбрать такихъ друзей. «Мы съ Діономъ, писалъ философъ, совѣтовали Діонизію, что, такъ какъ отецъ его не далъ ему хорошаго воспитанія и приличнаго общества, — то ему слѣдовало прежде всего создать себѣ между родными и сверстниками друзей, которые бы помогали ему въ практикѣ добродѣтели; мы совѣтовали ему особенно стараться быть вѣрнымъ себѣ и постояннымъ, такъ какъ ему особенно не доставало этихъ качествъ. Впрочемъ, мы ему не давали уроковъ прямо; это было бы опасно! (такъ и философы хитрятъ при дворѣ! конечно, для блага человѣчества, — а вовсе не изъ зараженія придворнымъ духомъ и изъ внутренняго холопства!) но косвенно мы ему давали поить это, говоря ему, что всякій челоѣкъ, который хочетъ спасти себя и тѣхъ, къ которымъ онъ управляетъ, долженъ слѣдовать этимъ правиламъ. Держась такимъ образомъ, говорили мы ему, учась быть мудрымъ и добродѣтельнымъ, возстановивъ затѣмъ разоренные греческіе города въ Сициліи, давши имъ законы и политическія учрежденія, которые сдѣлаютъ ихъ въ одно и тоже время и болѣе подчиненными его правленію, и лучше соединенными между собою въ борьбѣ противъ варваровъ, — онъ не только удвоитъ, но увеличитъ въ безконечное число разъ могущество, которое оставилъ ему отецъ, и подчинитъ себѣ карфагенянъ скорѣе, чѣмъ Гелонъ» и т. д. Впрочемъ, въ отдаленной перспективѣ, Платонъ съ Діономъ имѣли въ виду, по крайней мѣрѣ для Сиракузъ (т. е. для «коренныхъ губерній»), если не для подчиненныхъ имъ городовъ («окраинъ»), вовсе не одну только личную тиранію (они все же понимали, что такая тиранія неблагонадѣжна по части постоянства добродѣтели), а тоже въ своемъ родѣ «увѣнчаніе зданія», или «пллюзію», иначе конституцію, — «законное правленіе», какъ говорилъ Платонъ, или «правовой порядокъ», какъ говорятъ русскія газеты, — только уже, конечно, не простую демократическую свободу, (это было бы слишкомъ просто для педагоговъ и тоже не совсѣмъ благонадѣжно насчетъ непрерывнаго господства добродѣтели), — а нѣчто очень хитрое и сложное, — нѣчто подобное лакедемонскому устройству, столь любезному всѣмъ педагогамъ, только еще сложнее: нѣсколько карей, сенатъ, потомъ еще одна корпорація — составителей законовъ (что-то въ родѣ свѣдущихъ людей), которые отъ себя выберутъ еще одну корпорацію — хранителей законовъ (что то въ родѣ государственнаго совѣта изъ однихъ тайн. сов. Галагановъ). Однимъ словомъ, «увѣнчаніе зданія» Платона и Діона было дѣйствительно «пллюзія»: — невозможная мѣшанина учреждений, одно съ другимъ несомѣстимыхъ и способныхъ функционировать только при необыкновенной добродѣтели всѣхъ ихъ членовъ. А

пока философы найдутъ возможнымъ увѣнчать зданіе, должна была, конечно, оставаться тиранія, т. е. самодержавіе готоваго тирана, только всѣ усилія философовъ должны были направиться къ тому, чтобы сдѣлать изъ этого тирана олицетвореніе добродѣтели или философін. Такимъ образомъ, по словамъ самого Платона, онъ съ Діономъ надѣялись «обратить Діонизію къ добродѣтели, исправить нравы отечества и дать ему истинное счастье, безъ убійствъ, безъ кровопролитія, безъ всѣхъ бѣдствій гражданской войны».

Разумѣется, для такой педагогической задачи, нужно было прежде всего сдѣлать школьникомъ самого будущаго народнаго педагога, тирана. Что школьника-тирана посадили на строгую діету, это само собою разумѣется, равно какъ и то, что сокращеніе расходовъ стало главною заботой сиракузскаго министерства двора и другихъ министерствъ. Правда, при сиракузскомъ дворѣ апельсинъ не считали, по только потому, что апельсины тогда еще не были вовсе извѣстны не только въ Петербургѣ, но и въ Сициліи. Штановъ у солдатъ сиракузскихъ тоже не укоротили, но только потому, что классическіе солдаты обходились совсѣмъ безъ штановъ. Но на крючкахъ достигнута была большая экономія. Объ экономіи хлопоталъ самъ тиранъ, а философы занялись главнымъ образомъ устройствомъ для него школьнаго образованія. Такъ какъ греки отъ природы говорили по гречески, то засадить самодержца за греческіе аористы не могло прійти въ голову даже тогдашнимъ Катковымъ и Леонтьевымъ; латинскій же языкъ былъ тогда варварскимъ и могъ входить развѣ въ тогдашнее реальное образованіе (на немъ говорили въ казармахъ), а не классическое, а потому воспитаніе тирана въ добродѣтели пришлось начать — математикой. Діонизія засадили за геометрію! Сгорая, онъ принялся очень усердно.

Разумѣется, что за геометрію же взялся и весь дворъ. Плутархъ рассказываетъ, что, едва только Платонъ показался въ Сиракузахъ, весь дворъ тирана наполнился пескомъ: придворные чертили на немъ геометрическія фигуры. Послѣ сиракузскій самодержецъ не могъ безъ ярости вспоминать этихъ уроковъ геометріи и вообще своего обращенія въ школьника. Уже поссорившись съ Діономъ и начавъ ссориться съ Платономъ, Діонизій спросилъ развѣ аѳинскаго философа, нарочно въ присутствіи постороннихъ: помнить ли онъ, какъ онъ совѣтовалъ ему, Діонизію, возстановить греческіе города? — и когда Платонъ замѣтилъ, что онъ совѣтовалъ еще и другое (это былъ намекъ на совѣты приготовить къ этому возстановленію посредствомъ добродѣтели), Діонизій съ злымъ громкимъ смѣхомъ закричалъ: «о, да! ты приказывалъ еще: не заботься объ этомъ; тебѣ еще нужно учиться!» — а когда Платонъ отвѣтилъ: «у тебя хорошая память,» — тогда взбунтовавшійся школьникъ-самодержецъ замѣтилъ со злобію: «какъ у настоящаго ученика геометріи, — не правда-ли?»

Ну, можно ли было долго занять самодежду геометріей и удержать въ предѣлахъ сухояденія и сокращенія расходовъ? Конечно, что, по прошествіи извѣстнаго времени,

тиранъ взбунтовался: сначала, подъ благовиднымъ предлогомъ, изгналъ Діона, Платона же держалъ болѣе подъ арестомъ, чѣмъ въ почетномъ приближеніи, — и зажилъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ слѣдуетъ самодержцу. Геометрію замѣнили пиры со всѣмъ подобающимъ, — такъ что Плутархъ говоритъ, что, глядя на быстрое превращеніе сиракузскихъ придворныхъ изъ математиковъ въ кутилъ, можно было думать, что тутъ не обошлось безъ нечистой силы, Цирцеи.

Остальное болѣе или менѣе извѣстно: Платонъ насилу выбрался по добру изъ Сиракузъ; Діонъ такъ долженъ былъ подняться противъ тирана революцію и, когда, одолевши Діонизія, самъ не поскупился возстановить республику, — все въ видахъ педагогическихъ, — то самъ былъ убитъ, какъ претендентъ на тиранію. Діонизій воротился въ Сиракузы, но былъ окончательно выгнанъ дѣйствительнымъ республиканцемъ Тимолеономъ. Этотъ, столько же добродѣтельный, сколько и здравомыслящій челоѣкъ не задавался педагогическими цѣлями, — а попросту, одолевъ Діонизія, разорилъ его Бастилію, кр. Орпигію, — и возстановилъ въ Сиракузахъ демократію. И что жъ вы думаете? Ни Сиракузы, ни сиракузское обрусеніе, ни самъ Тимолеонъ, ни, наконецъ, сама добродѣтель отъ этого не только не потеряли, но, напротивъ, всѣ выиграли: опустошенные Сиракузы заселились новыми колонистами, равно какъ и другіе греческіе города Сициліи, избавленные отъ деспотовъ, при чемъ (замѣтьте, народники!) довольно не дурно были устроены и аграрныя отношенія, — карфагенская интрига была поражена, Тимолеонъ дожилъ въ Сиракузахъ до глубокой старости, являясь на пародныя собранія, какъ частный челоѣкъ, изъ домика, построеннаго ему обществомъ, говорилъ, что ему казалось нужнымъ, выслушивать возраженія и даже пристрастные нападенія, отвѣчая на послѣднія благодарностью богамъ за то, что они дали ему увидѣть исполненіе его желанія, что бы каждый сиракузянинъ имѣлъ свободу говорить все, что захочетъ, — и «неразумная и буйная толпа» соглашалась съ мудрымъ и добродѣтельнымъ челоѣкомъ, который не лѣзь въ педагогическое начальство, а былъ настоящимъ философомъ и учителемъ на столько, на сколько онъ естественно превосходилъ другихъ умомъ, опытомъ и характеромъ. Съ такимъ же почтеніемъ, какъ Сиракузы, слушали слова Тимолеона и всѣ сицилійскіе греки *).

Надо, впрочемъ, признаться, что и Діонизій II нашелся тоже довольно недурно: потерявъ сиракузскій престолъ, онъ открылъ въ Коринѣ школу для дѣтей и, кромѣ того, обучалъ нѣкую улчичныхъ пѣвцовъ. Въ этомъ все такъ видно новое доказательство превосходства недишастическихъ самодержцевъ сиракузскихъ надъ петербургскими помазанниками и нѣкоторая польза пнеагорейской дрессировки, которой Платонъ подвергалъ молодаго тирана. Александръ III врядъ ли

*) Мы бы очень совѣтовали ученикамъ классическихъ гимназій читать біографіи этого почтеннаго челоѣка у Плутарха и Корнелія Непота, только боимся, что бы имъ не досталось за это вполне классическое занятіе отъ начальства.

суметь так устроиться, если ему придется наскочить на своего Тимлеона. Но в этом надо будет обвинить столько же привычки его династии, сколько и ту совершенно бесплодную школу, которую проходить теперь тиранъ петербургскій подъ руководствомъ философа московскаго.

Мы, впрочемъ, предостерегаемъ и петербургскаго ученика, и московскаго учителя еще очень заблаговременно. Вы помните, конечно, читатель, время передъ началомъ послѣдней русско-турецкой войны, — когда И. С. Аксаковъ вылезъ изъ своего банковскаго удаленія и вновь заставилъ о себѣ говорить своими рѣчами въ славянскомъ комитетѣ. Г. Аксаковъ былъ тогда исполненъ самаго искренняго желанія освободить братьевъ славянъ и усматривалъ препятствіе къ этому освобожденію въ противунаціональной дипломатіи, которую и громилъ, на сколько у него хватало умѣнья говорить съ оглядкою на цензуру. Извѣстно, что даже въ болѣе свободныхъ монархическихъ государствахъ дипломатіи подчиняется сильному вліянію монарха. Въ Россіи же, да еще при Александрѣ II, который почиталъ себя специально-призваннымъ разрабатывать международное право, дипломатія всецѣло исходила отъ царя. Въ дообовокъ, ни для кого не были тайною берлинскія симпатіи покойнаго императора, равно какъ и то, что берлинскимъ политикамъ столько же нежелательна прочная автономія балканскихъ племенъ, которая бы предохранила ихъ отъ господства Австро-Венгрии, сколько и подчиненіе ихъ Россіи. Всякій здравомыслящій славянофилъ или даже фанатикъ вѣшняго расширенія Россіи въ 1875 — 1877 гг., при видѣ пруссизма русской царской дипломатіи, долженъ бы былъ стать именно противникомъ абсолютизма въ Россіи, такъ какъ, именно при абсолютизмѣ, русскій императоръ всего легче становится прусскимъ наместникомъ въ Петербургѣ*). Но г. Аксаковъ ухитрился громить петербургскую дипломатію и восхвалять петербургскаго царя, проповѣдая при семъ, и какъ фактъ, и какъ догматъ, единство этого царя съ народомъ, который-де, въ противность дипломатіи, спитъ и видитъ освобожденіе своихъ заграничныхъ братьевъ.

Видя такое помраченіе духа московскаго оратора и видя, что значительная часть общества въ Россіи осыпаетъ его похвалами, вмѣсто того, чтобъ совершенно серьезно посоветовать его роднымъ полечить его, — а также слыша, что г. Аксаковъ находитъ въ давнихъ близкихъ отношеніяхъ къ тогдашнему наслѣднику, который, какъ рассказывали, даже ссорился изъ за нихъ съ гр. П. А. Шуваловымъ, правившимъ одно время Александромъ II и Россіей, — мы, нисколько не сомнѣваясь, что правительство Александра II падѣлается глупостей въ восточнымъ вопросѣ до войны, во время ея и послѣ, — и что г. Аксаковъ самъ возраститъ налку и на славянъ, и на самого себя, — думали только о томъ: какую же путаницу смастеритъ московскій краснобаи, когда

*) Вѣдь вотъ же и Александръ III, послѣ всѣхъ анекдотовъ о его пруссофобіи и regnante Ignatievo, все такъ поѣхалъ въ Данцигъ и предалъ Востокъ и Герцеговину Австріи.

вступить на престолъ Александръ III, а краснобаи сей попадутъ въ придворные философы?! Вотъ тогда то мы вспомнили исторію Діонизія II и Платона. Мы себѣ представили Александра III, по слухамъ славянофила и даже нѣсколько, если не либерала, то охотника до земщины и неохотника до чиновничества, — желающимъ хоть нѣсколько разорвать съ политикою своего отца, — и г. Аксакова, который тутъ то и начнетъ мудрить и советъ окончательно съ толку петербургскаго тирана. По нашему разсчету, г. Аксаковъ непремѣнно долженъ былъ разыграть при Александрѣ III роль Платона при дворѣ Діонизія II, и мы позволѣли себѣ въ «Громадѣ» 1878 г. шуточно набросать нѣсколько деталей изъ ожидаемаго положенія. Конечно, событія нѣсколько видоизмѣнили наши предположенія, но въ основѣ они совершенно оправдались.

С. Петербургскій Діонизій, конечно, никогда не могъ быть такъ либерально настроенъ, какъ его сиракузскій предшественникъ. Но можно охотно повѣрить, что онъ совершенно искренно желалъ бы чѣмъ нибудь новымъ ознаменовать свое царствованіе и въ тоже время сбросить съ себя хоть часть непосильнаго бремени и отвѣтственности; можно повѣрить особенно, что онъ наглядно убѣдился въ негодности чиновническаго управленія и потому уже былъ бы еи прочъ поставить свое правительство въ болѣе близкія, простыя и дѣловыя отношенія къ населенію. Правда, что насильственная смерть отца должна была ошеломить молодого самодержца, заставивъ его думать больше всего о личной охрѣнѣ и возбуждая у него отвращеніе къ освободительному движенію. Но та же самая смерть и вообще послѣдніе годы царствованія Александра II должны же были заставить Александра III подумать надъ системою, которая привела къ такимъ печальнымъ результатамъ. Предоставленный самому себѣ, не говоря уже о вліяніи сколько нибудь толковыхъ людей, быть можетъ, петербургскій Діонизій Младшій и додумался бы до чего нибудь путнаго. Но на бѣду судьба послала ему въ Менторы московскихъ философовъ, особенно г. Аксакова, — который довелъ несчастнаго гатчинскаго отшельника до самаго отчаяннаго положенія.

Московскій Платонъ придумалъ для своего ученика тоже своего рода геометрію, — но только нѣсколько самобытную. Какъ врагъ изобрѣтеній Запада, а также всего, являющагося во плоти, въ определенной формѣ, — ибо «точію духъ животворитъ», — московскій любомудръ придумалъ и геометрію «по духу»: фигуры краснорѣчія, особенно круги и спирали изъ числа тѣхъ, которые по латыни зовутся *circuli vitiosi*, а по русски заколдованные круги. Хоть три года вертись, — ни до чего не довертись, кромѣ головокруженія!

Ученикъ желаетъ получить наставленіе: что ему дѣлать въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ? — «Главное, говоритъ учитель, не уступай требованіямъ крамолы, не внимай совѣтамъ лживой интеллигенціи, опасайся лжеобщества, лжеземства, лженарода. Все это миражи и черги, идущіе съ чужаго поля, съ гнилаго запада. Мы тебѣ придума-

емъ нѣчто самобытное; народная самобытность — главное дѣло! Она была у насъ до Петра I, — а теперь пропала. Мы ее найдемъ назадъ, дома, въ Москвѣ!»....

Бѣдный ученикъ сейчасъ же готовъ бы ѣхать въ Москву, но пока въ ней устроить свою Гатчину, долженъ сидѣть въ Гатчинѣ Петербургской. Тамъ то онъ обдумываетъ урокъ, выслушанный отъ учителя: — Хорошо... Народная самобытность! Ну, а какъ такой же самобытности потребуютъ у меня всѣ народы моеи имперіи: хохлы, литвины, ляхи, пѣмцы и т. п.? Вѣдь этихъ нерусскихъ, или нечисто-русскихъ народовъ у меня, слава богу, до сорока миллионовъ. Потомъ: назадъ, въ Москву! Такъ вѣдь и въ Москвѣ былъ и Иванъ Грозный съ Малютою, былъ и царь Алексѣй съ боярами (и хпченіемъ!) были и земскіе соборы. Вѣдь вотъ жена слышала, есть такіе, которые говорятъ, будто эти соборы XVII в. все равно, что французскіе *états généraux* и англійскіе парламенты XIV в., т. е. тѣ же представительныя собранія гнилаго Запада, только въ зачаточномъ состояніи. Самъ Аксаковъ какъ будто то же самое думаетъ, какъ будто опасается, что теперь никакой земскій соборъ не ограничится старомосковскими «челобитіями» и «сказками» царю-государю, а сейчасъ же захочетъ вступить во всѣ права взрослыхъ парламентовъ, — опасается на столько, что поспѣшилъ мнѣ поднести уже въ печатномъ видѣ записку, поданную братомъ его моему родителю. А записка эта, послѣ всякой брани на чиновническій Петербургъ и всякой хвалы земской Москвѣ, упирается: только, пожалуйте, не созывайте земскаго собора. — Такъ что же мнѣ дѣлать то?

— «Не надо средостѣнія между царемъ и народомъ!» кричитъ на другой урокъ московскій Платонъ.

— Хорошо, не надо средостѣнія; безъ средостѣтія проще и дешевле. Только что же это за средостѣніе? По «Руси» выходитъ разъ, что это «либеральная интеллигенція», — въ другой, что это «бюрократія», а въ третій — все это вмѣстѣ: «либерально-бюрократическая интеллигенція». Такъ либеральная интеллигенція, кажется, и въ Петербургѣ никогда не поощрялось: прабабка Екатерина II, хоть и съ Волгетерами водилась, а все ни Новикову, ни Радищеву спуска не давала. Такимъ образомъ, безпорядки въ государствѣ врядъ ли могли произойти отъ недостатка бдительности за либеральною интеллигенціею. Бѣда, вѣрно, въ томъ, что въ Россіи допущена вообще интеллигенція. Можно бы было попробовать уничтожить эту интеллигенцію, если бы можно было безъ нея хоть оградить Аничковскій дворецъ отъ подкоповъ, не говоря уже объ арміяхъ, флотахъ, горныхъ заводахъ и т. п. Уничтожить бюрократію легче. Всего бы легче уничтожить либеральную бюрократію, посадивъ повсюду шефами бюрократовъ нелиберальныхъ, которые бы уже постепенно произвели подборъ низшихъ бюрократовъ. Такъ это уже пробовали и дѣдъ мой, и родители, — но дѣдъ Россіи и даже безопасность царства отъ этого не процвѣли. Остается попробовать уничтожить всякую бюрократію, — и по временамъ мнѣ кажется, будто «Русь» намекаетъ на что то подобное.

Но вѣдь, хорошенько подумавши, находимъ, что этотъ совѣтъ смахиваетъ на совѣтъ превратить Россію въ сущности въ федеративную республику. — а ни федераций, ни республикъ учитель не любитъ. При томъ же тутъ оказывается загвоздка, въ родѣ какъ съ народною самобытностью: вѣдь если вывести бюрократическое средостѣіе изъ Польши, Литвы, Бессарабин, Бѣлоруссін, Украйны, Балтійскихъ провинцій, — то что же тамъ останется съ «обрусеніемъ», «русскимъ дѣломъ», «русскими интересами» и т. п.? А вѣдь учитель сколько разъ совѣтовалъ «держатъ высоко русское знамя на окраинахъ». Кто жъ его тамъ станетъ держать, если оттуда средостѣіе вывести?! Нѣтъ, очевидно, средостѣіе надо оставить, какъ оно есть.

— «Стать лицомъ къ лицу съ народомъ!»
прислушиваться къ бѣнію его сердца, а не къ голосу фальшиваго общественнаго мнѣнія!»
кричитъ въ слѣдующій разъ Платонъ II. —
Діонисій III, ничему бы не былъ такъ радъ,
«даже въ геморондальномъ отношеніи», какъ
прогулять въ народъ, à la Гарунъ-аль-Рашидъ.
Но врамоза не пускаетъ. Развѣ, напр., лѣт-
нее путешествіе по Волгѣ похоже на про-
гулку Гарунъ-аль-Рашида, а не на поѣздку
мыши въ желѣзной клѣткѣ? При томъ же и
изъ газетъ, и по разсказамъ вѣрныхъ людей,
Діонисій III знаетъ, что народное сердце
бьется больше всего на тему передѣла зе-
мель. Пробовалъ онъ было у Платона спро-
сить объ этомъ передѣлѣ, — такъ Платонъ
ему на слѣдующій урокъ приказалъ выучить
теорію г. Дм. Самарина «о достаточности
крестьянскихъ надѣловъ» и еще прибавилъ,
что это молъ шипеть братъ того самаго
Самарина, котораго Шуваловъ социалистомъ
называлъ, — такъ, значитъ, онъ ужъ навѣрное
мужика не обидитъ; высѣчетъ, а не оби-
дитъ!

Вотъ въ такихъ то кругахъ да спираться
вертѣлъ московскій Платонъ петербургскаго
Діонизія почти цѣлый годъ. Одинъ разъ, па-
качунѣ новаго 1882 г., Діонизій III, довер-
твшись до тошноты, потерялъ наконецъ
терпѣніе и присталъ къ учителю съ рѣши-
тельнымъ вопросомъ: *)

— Да что же намъ дѣлать?

— «Какъ, что дѣлать?!» спросила Платонъ П, изумляясь тому, можно ли послѣ столькихъ, кажется, вполне понятныхъ уроковъ, предлагать подобные вопросы? — «Какъ, что дѣлать? — Быть самими собою!»

— Что же это значить: быть самими собою? спросил Діонісій, недоумывая и думая: неужели до сихъ поръ и онъ былъ не онъ, и Дагмара не Дагмара, и Игнатъевъ не Игнатъевъ?

— «Возстановить цѣльность жизни!» —
обязательно пояснилъ Платонъ.

— Слышаще я это уже не раз, — да еще меньше понимаю это; укажите же наконец толком: какъ стать самими собою, какъ возстановить цѣльность жизни? — вскричалъ выведенный наконецъ изъ терпѣнія ученикъ и сталъ наступать на учителя съ видомъ, предвѣщающимъ ничего добраго.

При такомъ оборотѣ дѣла, учитель подалъ

ся нѣсколько назадъ и самъ потерять обычную увѣренность въ себя.

— «Мы не знаемъ, пробормоталъ онъ, мы не обладаемъ такимъ секретомъ. Можетъ, быть, ларчикъ и просто открывается, — можетъ, быть, и нѣтъ»....

Дионизій III унявъ въ кресла. — Не вытолкать ли его въ шею со всѣми другими московскими дервишами? — мелькнуло у него въ умѣ, и уже богатырскій кулакъ его приготовлялся исполнить эту здравую мысль. Но тиранъ подумалъ, что ему тогда не останется ничего другаго, какъ или тотчасъ же послать за Петромъ Шуваловымъ, который такъ унижалъ его когда то, и предложить ему вновь воцариться въ даніи у Цѣннаго моста, или и впрямь созывать земскій соборъ, — и оставился....

Настало молчаніє. Н. С. Аксаковъ, думавшій въ послѣднія минуты о томъ, какъ бы ему убраться по здорову отъ кулаковъ богатыря-ученика, самъ начать раскапываться въ своемъ краснорѣчьи и вспомнить постолищу, особенно идущую къ безвыходнымъ положеніямъ: «слово серебро, а молчаніе золото». Но, какъ старый діалектикъ изъ кружка Рудина, сейчасъ же ухватился за слово «молчаніе» и закраснобалъ снова:

— «И въ самомъ дѣлѣ, (какъ хорошо это: «и въ самомъ дѣлѣ!») не у тѣхъ ли раз-
гадка вопросы, кто въ настоящую минуту
молчитъ? Не они ли скажутъ намъ про-
сто правду, простое слово жизни.... О, если
бы ихъ вызвать на слово!»

— Да, если бы ихъ възвать на слово!! повторилъ за учителемъ ученикъ, — и вновь ему вспомнился Гарунъ-аль-Рашидъ, но за тѣмъ тотчасъ же нигилисты. — Нѣтъ, Гарунъ-аль-Рашидомъ нельзя! Остается добиваться слова жизни у тѣхъ, кто теперь молчитъ, или посредствомъ урядниковъ, или посредствомъ закона о свободѣ сходякъ.

— Такъ какъ же, Иванъ Сергѣевичъ: урядниками, или закономъ о свободѣ сходокъ?

Иванъ Сергѣевичъ затруднился: въ глубинѣ духа урядникъ ему такіе нравились и своимъ монархическимъ характеромъ, и своимъ славянскимъ племенемъ; не нравилось ему только то, зачѣмъ столь прекрасное учрежденіе выдуманно въ петербургскій періодъ, а не въ московскій, и зачѣмъ оно названо «институтомъ», а не «семенницею», — но онъ поспѣшилъ высказаться за урядниковъ. За то законъ о свободѣ сходилъ урядъ рѣшительно отвергъ, какъ штуку западную. При томъ же смутный голосъ говорилъ ему, что и при свободѣ сходилъ, и даже при очень усиленномъ вызовѣ со стороны урядниковъ, молчащіе, когда заговорятъ, то навѣрное скажутъ простое слово жизни: «отстані!....» Собственно изъ страха подобнаго отвѣта И. С. Аксаковъ и забросилъ напередъ словечко «лженародъ», котораго надо страшиться, въ отличіе отъ «народа», которому надо довѣриться. Въ глубинѣ духа онъ самъ дѣлалъ между однимъ и другимъ такую разницу: народъ, молчащій, и есть народъ, а народъ, такъ или иначе говорящій, — есть лженародъ, — а потому И. С., когда и говорилъ, что хорошо бы было вызывать молчащихъ на произнесеніе слова жизни, но когда къ нему приставали съ вопро-

сомъ: какъ же вызвать молчащихъ на разговоръ? онъ всегда кассировать всѣ предлагаемыя средства и сводить обсужденіе на нѣтъ.

Такъ случилось и на этотъ разъ, тѣмъ болѣе, что стрѣлка приблизилась къ полуночи, — и самодержавный ученикъ долженъ былъ обратиться къ исполненію своихъ текущихъ обязанностей въ бѣличьемъ колесѣ тиранскаго жжтыя.

Насталъ 1882 г. — и дѣла государства пошли своимъ чередомъ, — т. е. все хуже да хуже. Казна все пустѣетъ, крамола бодрствуетъ, народъ началъ пошаливать даже въ Варшавѣ, а средостѣіе, знай, крадетъ: въ одномъ Таганрогѣ украло 70,000,000 рублей. — Что дѣлать? что дѣлать?! — Старый Платонъ, аѳинскій, видя, что геометрія тутъ рѣшительно не помогаетъ, навѣрное, посоветовалъ бы своему ученику заняться алгеброй, чтобъ вычислить, по крайней мѣрѣ, на сколько лѣтъ можетъ хватить государства, если средостѣіе будетъ продолжать красть все въ той же прогрессіи, пока будутъ придуманы положительные способы обходиться безъ него. Но московскій Платонъ считаетъ и алгебру наукой все еще не достаточно духовною и при томъ агарянскою, — а потому, даже послѣ извѣстія о кражѣ въ Таганрогѣ, нашелся замѣтить только одно: «Всѣ мы виноваты, — вотъ что намъ необходимо признать» («Русь», 1882, № 1) — и посоветовалъ всѣмъ одно: покаяться. — Кайтесь, молъ, всѣ: и тѣ, кто крадетъ, и тѣ, у кого крадутъ. Кайтесь, — но не бунтуйтесь: сіе глаголю особенно тѣмъ, у кого крадутъ.

На дняхъ специальный корреспондентъ «Вольнаго Слова» изъ Петербурга и Москвы прислалъ въ Женеvu телеграмму, что, по предложенію И. С. Аксакова, вся Россія будетъ обязательно засажена за добровольное чтеніе покаяннаго псалма цари Давида по сорокъ разъ въ день и покаяннаго канона св. Андрея Критскаго по три раза въ день. Не рѣшено только, будетъ ли эта мѣра объявлена св. Синодомъ обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ, или Вселенскимъ соборомъ, который предполагается собрать въ Москвѣ, а также и то, будетъ ли обязательно читать канонъ св. Андрея по славянски, или по гречески. Подробности эти составляютъ предметъ соглашенія между гг. Побѣдоносцевымъ, Аксаковымъ и Катковымъ. Пока же, на основаніи формулы: *beati posidentes*, г. Побѣдоносцевъ сичинилъ двѣ новыя эктении отъ хищенія, а петербургское таможенное средостѣніе украдо и себѣ нѣсколько миллионовъ.

Таково покамѣсть положеніе и Діонизія Ш, и Платона П, и средостѣнія. Чѣмъ покончатъ по крайней мѣрѣ, Діонизій съ Платономъ, не беремся предсказывать, но что кончатъ они худо, — въ этомъ мы увѣрены. Не будь въ Россіи освобождены крестьяне и будь нашъ молодой тиранъ побойчѣе, въ родѣ Діонизія I, — мы бы не сомнѣвались, что онъ бы подарилъ московскаго Платона въ рабство никому другому, какъ П. А. Шувалову, а этотъ бы продать его П. И. Чичикову на мѣсто умершаго отъ пьянства Петрушки, — и तेперешній издатель «Руси» кончилъ бы тѣмъ, что, предовольный, выводилъ бы и въ барской

*) Следующая сцена описана почти съ буквальной точностью въ 59 № «Руси» за 1881 г.

передней «из букв слова, которая иной раз, чорт их знает, что и значить». *) Но что сдѣлать съ И. С. теперешній петербургскій тиранъ, право, не догадаемся; только, навѣрное, что ипбуди тоже нехорошее.

Собственно на этомъ можно было бы намъ и окончить нашъ сравнительный этюдъ, — но мы предчувствуемъ, что читатель найдетъ его неполнымъ. — «А гдѣ же Діонъ?» — спроситъ читатель.

Требованіе чрезмѣрное и отъ природы, и отъ насъ, ея наблюдателя. Аналогія — не то же! Настоящаго Діона нѣтъ, теперь въ Петербургѣ и быть не можетъ. Діонъ все таки былъ и умный, и добродѣтельный человекъ, и подъ конецъ на революцію пустившійся, — и при этомъ родственникъ тирана. Не можетъ такой человекъ оказаться при дворѣ петербургскомъ. Правда, отдѣльные черты положенія Діона встрѣчаются и въ Петербургѣ, но въ разбросанномъ видѣ и совершенно самобытно сложенныя. Больше всего мы усматриваемъ Діоновскіе черты въ гр. Игнатъевѣ. Во первыхъ, онъ пріятель московскаго Платона, — а во вторыхъ, довольно богатъ. Правда, Діонъ разбогатѣлъ не самъ, а получилъ богатство отъ отца, который по тогдашнему игралъ на тогдашней биржѣ. Гр. Игнатъевъ же самъ игралъ по нынѣшнему на нынѣшней биржѣ, но такъ какъ онъ это дѣлалъ въ Константинополѣ, — то можно сказать, что это былъ не теперешній Игнатъевъ, а какъ бы отецъ его, — тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ онъ будто совсѣмъ наново народился: въ Константинополѣ онъ революціонировалъ народы, въ Петербургѣ онъ ихъ усмиряетъ; — въ Константинополѣ онъ былъ «отецъ жи», въ Петербургѣ онъ вызываетъ отъ свѣдущихъ людей «слово правды». Больше же всего похожъ гр. Игнатъевъ на Діона своею страстью къ педагогикѣ. Хотя это сходство и en laid, но все же сходство, и крупное. Гр. Игнатъевъ не просто служитъ тирану, и не просто пасетъ и гонитъ телятъ російскаго Макара: онъ педагогствуетъ. По крайней мѣрѣ, самъ онъ о томъ заявляетъ въ своемъ французскомъ органѣ «Le Nord».

Тамъ, во 2 № за 1882 г., между прочимъ расписуется значеніе и будущность изобрѣтеннаго гр. Игнатъевымъ «института» — свѣдущихъ людей. «Эти свѣдущіе люди, говоритъ «Le Nord», теперь представители русскаго общества, призванные по выбору правительства (чудо, что за опредѣленіе!) для разрѣшенія текущихъ вопросовъ, но въ извѣстное время (dans un temps donné; — какая алгебра!) будутъ безъ сомнѣнія болѣе примымы (геометрія, — хотя и неспаян: если уже не прямою, то хоть бы знать градусъ угла?) представителями земствъ. Эти свѣдущіе люди, организованные по всей Россіи въ постоянныя группы, которыя правительство будетъ

приглашать, по мѣрѣ нужды, по частямъ (par fractions; — опять изъ алгебры!) болѣе или менѣе значительнымъ, содѣйствовать ему къ выработкѣ реформъ и которыхъ голосъ будетъ, какъ это уже и имѣло мѣсто, выслушиваемъ въ средѣ государственнаго совѣта, — эти свѣдущіе люди, говоримъ мы, научатся, посредствомъ частыхъ собраній въ столицѣ Россіи, подниматься отъ пониманія интересовъ мѣстныхъ и заботъ своихъ закоулковъ (des préoccupations de clocher) до интересовъ общихъ и истинно національных*). Они составятъ со временемъ то, чего не достаеъ еще Россіи, — политическій классъ, принимая это слово въ его первоначальномъ (originelle) и практическомъ смыслѣ».

Ну, какъ же не педагогія?! Мы всегда думали, что «институтъ свѣдущихъ людей» есть совсѣмъ педагогическая выдумка, нѣчто въ родѣ ружей безъ пороха, или романсовъ безъ любви, которые сочинялъ покойный принцъ П. Г. Ольденбургскій для воспитанницъ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Представители общества. — его не представляющие; нѣкоторые образомъ если не парламентъ, то говорильня, — но безъ всякихъ правъ, наконецъ, свѣдущіе люди, которые признаются въ своемъ невѣдѣніи! Но до сихъ поръ можно было думать, что если это не игрушка для забавы общества и препровожденія времени правительства, такъ (въ лучшемъ случаѣ) это игрушка для пріученія самодержца не бояться представительства. А оказывается, что это педагогика въ серьезъ, надолго, — и при томъ педагогика для самихъ свѣдущихъ людей, которые будутъ обучаться наукѣ подниматься до общихъ интересовъ и прочаго такого. Хоть бы программу экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости по части этого подниманія скорѣе напечатали, — чтобы знать, что для сего курса требоваться будетъ, и сообразить, во сколько времени сей курсъ пройти можно? Вѣдь жизнь такъ коротка, а слово «со временемъ» — безконечно.

Да за одно бы уже обнародовать и аттестаты самихъ экзаменаторовъ для школяровъ новыхъ политическихъ классовъ, удерживаемыхъ въ Россіи, «по волѣ императора и замыслу гр. Игнатъева». Самъ то, напр., гр. Игнатъевъ гдѣ проходилъ курсъ политической зрѣлости и науки подниманія до интересовъ общихъ и истинно-національных? Сначала, кажется, въ нажескомъ корпусѣ, а потомъ въ Турціи?! Но ни тамъ, ни тамъ политическія науки что то не процвѣтаютъ! Да въ Турціи какъ имъ и процвѣтать, если тамъ высшія политическія науки преподаются визирями, изъ которыхъ, если бы кто и попался настоящій докторъ сихъ наукъ, такъ никогда не можетъ поручиться за полноту своего курса, ибо не вѣдаетъ ни дня, ни часа, въ онъ же его султанъ въ заграничкѣ вытолкаетъ? Оттого тамъ высшею политическою наукою считается эквилибрис-

тика. И не сей ли наукѣ хочетъ обучить гр. Игнатъевъ «представителей русскаго общества, выбиравшихъ теперь правительствомъ», и будущихъ «болѣе прямыхъ представителей земствъ»? Такъ вѣдь обученный сей наукѣ «политическій классъ» въ Россіи давно уже существуетъ, такъ что въ простомъ народѣ и самое слово «политика» получило оригинальное (original, если не original) значеніе: жи и плутовства.

Повторяемъ, нѣтъ другаго способа создать настоящую политическую зрѣлость, какъ практика свободы. Всякія педагогическія затѣи со взрослыми людьми, даже искренне задуманныя, обыкновенно ни къ чему доброму не приводятъ. На эту мысль намекнулъ даже Діону Спракузскому его соперникъ и товарищъ по борьбѣ съ Діонизіемъ, Гераклидъ, когда отказался поступить въ число установленныхъ Діономъ свѣдущихъ людей, сказавши, что онъ ни что иное, какъ обыкновенный гражданинъ, и что онъ пойдетъ только въ народное собраніе вмѣстѣ со всеми другими гражданами. Діонъ не понялъ намекъ и донедогогствовался до весьма худого конца.

Мы никому не желаемъ такого конца и не беремся пророчествовать гр. Игнатъеву о его судьбѣ, хотя исполненіе нашего предсказанія гр. Лорнеу Меликову (См. «Созовья баснями не кормятъ») и соблазняетъ насъ предсказать такой или иной «полетъ въ бездну» и его наслѣднику; мы отмѣтимъ только, какъ характеристическое совпаденіе, что намекъ, подобный сдѣланному Гераклидомъ Діону, сдѣланъ былъ и изобрѣтателю «института свѣдущихъ людей» въ Россіи новгородскимъ земствомъ, которое запретило своимъ должностнымъ лицамъ ностуать въ эту школу. Въ настоящее «народное собраніе, наравнѣ съ другими гражданами», новгородскіе земцы, конечно, пойдутъ охотно...

Подписавшій гр. Игнатъева, мѣстный губернаторъ опротестовалъ этотъ намекъ новгородскихъ Гераклидовъ, — и всероссійскіе губернаторы, очевидно, не поняли его значенія. Тѣмъ хуже для губернаторовъ!

Впрочемъ, богъ бы съ ними, съ губернаторами и прочими политическими педагогами. — но страхъ беретъ за ту страну, гдѣ ужъ слишкомъ много охотниковъ губернаторствовать развелось, вотъ, напр., какъ теперь въ Россіи. И кто въ ней не губернаторствуетъ? И царь, и всѣ великіе князья губернаторствуютъ, и г. Аксаковъ педагогствуетъ, и гр. Игнатъевъ политическіе классы съ безконечнымъ курсомъ открываетъ, и «Голосъ», самъ только что выпущенный раньше срока изъ карцера, «внуздывать звѣри» собирается. — и даже редакція «Народной Воли» «на худой конецъ» собирается передавать власть надъ всеми народами Россіи уже даже не всероссійской палатѣ депутатовъ, (но нашему, такъ и этотъ конецъ, нельзя сказать, чтобы ужъ очень былъ добрый!) а просто «революціоннымъ представителямъ народа», т. е. самимъ себѣ. При видѣ такого распространенія у самыхъ разнообразныхъ россиянь охоты къ власти и къ педагогикѣ, и намъ приходится на мысль сочинить для спасенія простыхъ обывателей Россіи отъ этой бѣды если не новую экзегезу, то хоть ма-

*) Въ древности ходилъ анекдотъ, будто старшій Діонизій подшутилъ надъ Платономъ такъ, что его, по дорогѣ Аѳинъ, завезли на Эгину, которая тогда была въ войнѣ съ Аѳинами, и гдѣ Платонъ былъ проданъ въ рабство, но былъ, конечно, выкупленъ поклонниками. — «Яму молъ ничего — скажешь будто бы старый тиранъ, — онъ такой добродѣтельный человекъ, что и въ рабствѣ будетъ счастливъ». Шутка совершенно въ московскомъ вкусѣ, но требующая нѣкотораго остроумія, которымъ не всякій самодуръ обладаетъ.

*) Замѣчательно, что и французскій педагогъ, Гамбетта, какъ разъ это самое словечко: «les préoccupations de clocher» употреблялъ, добиваясь scrutin de liste, но французъ на что ужъ любилъ политическую педагогикъ, — а и тѣ догадывались отправить самого педагога на прогулку и предпочли ему людей съ менѣе педагогическими наклонностями.

ленькую замѣну въ финалѣ Молитвы Господней:

«и не введи насъ во искушеніе власти, но избави насъ отъ педагоговъ!»

М. Драгомановъ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «ВОЛЬНОГО СЛОВА».

Сараево, 26 января.

Господинъ Редакторъ!

Въ открытомъ письмѣ моемъ, которое Вы напечатали въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ Вашей газеты и въ которомъ я провелъ параллель между положеніемъ моего отечества и положеніемъ Болгаріи, я обѣщалъ разсказать Вамъ подробнѣе о нашихъ страданіяхъ и объяснить, почему намъ подъ австрійской властью хуже, чѣмъ было даже подъ турецкою, а уже, конечно, несравненно хуже и невыносимѣе, чѣмъ болгарамъ или другимъ народамъ балканскаго полуострова, какъ бы дурно они ни управлялись. Давно бы я уже исполнилъ это обѣщаніе, еслибъ не думалъ, что это сдѣлаетъ кто либо другой, и еслибъ не хотѣлъ также видѣть, какой оборотъ примутъ наши дѣла. Но, хотя въ «В. С.» появилось довольно писемъ и статей о босно-герцеговинскихъ дѣлахъ, все таки никто не проникъ въ самую глубь положенія; въ другихъ же газетахъ все судятъ о насъ вкрявъ и вкось.

Когда Австрія совершила оккупацию, подавивъ сопротивленіе нашихъ домашнихъ турокъ (г. е. мусульманъ, Ред.), которые, видно, лучше насъ знали, что такое австрійцы, — то вслѣдъ за тѣмъ, что повая власть пойметъ свою задачу и устроитъ управление нашей страны, согласно потребностямъ настоящаго времени, а также и жизни и обычаямъ нашего народа. Вѣсто этого ввели къ намъ австрійцы тѣхъ пищихъ и невѣжественныхъ чиновниковъ, которые, какъ саранча какая, обѣлбили нашу землю и не оставляютъ ее, пока все не пожрутъ и не высосутъ. Пришли съ ними люди и починцы. Это были іезуитскіе фратеры и агитаторы изъ Загреба, окружавшіе генерала Филипповича, которые всему православному въ Босніи хотѣли «до горла доѣхать» и на развалинахъ сербской народности основать великую католическую Хорватію. Филипповичъ съ этими людьми дѣйствовалъ такъ энергично, что пѣвцы въ Вѣнѣ и мадьяры въ Пештѣ побоялись успеха его плановъ и настояли на его отозваніи.

На его мѣсто прислали намъ герцога Вюртембергскаго, который хорватовъ больше покровительствовалъ, а все только объ одномъ и думалъ, какъ бы привлечь босняковъ мусульманъ. Подобно тому, какъ Филипповичъ ласкалъ и дарилъ каждого католика, Вюртембергъ старался показать, что и послѣдній нищій, если онъ мусульманинъ, милѣе ему и дороже, чѣмъ первые изъ христіанъ. Худшихъ злодѣевъ, извѣстныхъ своею жестокостію, какъ, напр., Ахмета Поздероца, увѣщавъ австрійскими орденами и все въ Вѣну отправлялъ мусульманскія депутаціи, увѣривши Цесаря, что католики въ Босніи безъ значенія, православные же всѣ преданы Россіи и что одинъ элементъ, на который правительство можетъ опереться, это босняки мусульмане, особенно землевладѣльческая аристократія. Въ этомъ смыслѣ и издавались законы и распоряженія, направленные къ тому, что бы вслѣдствіе поддерживать и увеличивать уваженіе къ мусульманскому закону, а также къ феодальнымъ

правамъ беговъ; съ христіанъ же не только собиравась, какъ и при туркахъ, третина для беговъ и десятина для власти, но еще и новыя подати, о которыхъ и турки не знали.

Нѣкоторое время, правда, былъ какъ бы поворотъ и въ нашу сторону. Вюртембергу придали въ помощники Іовановича *), который, долго бывши австрійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Босніи, зналъ лучше положеніе дѣлъ. Онъ представлялъ своему правительству, что въ австрійскомъ интересѣ было бы искать опоры не въ католикахъ, которые слишкомъ слабы, и не въ мусульманахъ, изъ которыхъ каждый съ оккупацией потерялъ, такъ сказать, въ своей личности власть султанскую и, потому, приведеннымъ Австріи никогда не будетъ, — а въ православныхъ, составляющихъ значительное большинство въ странѣ. Все это было напрасно, и Іовановичъ скоро самъ убѣдился, что оставаться у насъ не можетъ.

Недолго послѣ него оставался и Вюртембергъ. Въ Вѣнѣ убѣдились наконецъ, что управлять онъ не умѣетъ и что, если, съ одной стороны, озлобилъ православныхъ и католиковъ, то мусульманъ привлечь не успѣлъ. Отличенные австрійскими орденами беги и спахи не смѣли показаться въ нихъ передъ своими единовѣрцами и кончили тѣмъ, что одинъ потерялъ всякое вліяніе, другіе же отослали свои ордена назадъ. На мѣсто Вюртемберга назначили генерала Далена, вообще говоря, человека почтеннаго, но въ политическомъ отношеніи совершеннаго нуля, который только подписываетъ, что ему представляютъ его секціоншефы, и исполняетъ законы и приказанія, что ему изъ Вѣны присылаютъ. Оттого все идетъ, какъ ни попало, и чиновники безъ всякихъ убѣжденій или чувства, кромѣ непомерной жадности, крадутъ и грабятъ.

Теперь всѣ видятъ, католики, православные и мусульмане, что нечего болѣе надѣяться на какое либо благо отъ этихъ швабо-мадьяровъ и что ничего не остается болѣе, какъ всѣмъ возстать вѣсть и биться съ чужеземцами, пока ихъ не выгонятъ или сами не погибнутъ. Братья наши, Герцеговинцы, это уже и сдѣлали; только не поторопились ли они и не лучше ли было бы еще подождать немного, когда обстоятельства вѣншіи стали бы благоприятнѣе?...

У насъ пока ничего нѣтъ и до весны не будетъ; что будетъ весной, никто сказать не можетъ; тѣмъ болѣе, что австрійцы дѣлаютъ, что могутъ, чтобы вывести народъ изъ терѣнія. Подумайте только, что изъ за 2—3 гульденовъ недопмки продаютъ имущество поселянъ, да какъ продаютъ? Съ публичнаго торга, на который являются только швабы и швабскіе жида и гдѣ за добраго коня даютъ 5 гульденовъ, 10 гульденовъ за вола, 1 гульденъ за козу!

Изъ всѣхъ чиновниковъ самый жадный и жестокий, — секціоншефъ, гофратъ Кристъ (Christ), начальникъ финансоваго отдѣла въ боснійскомъ управленіи, не знающій, впрочемъ, ни земли, ни языка. Какой то боснякъ написалъ на него стихи по нѣмецки, которые гофратъ нашелъ на своемъ письменномъ столѣ:

Vater Unser der du in dem Himmel bist!
Befreie uns von dem Hofrath Christ,
Der uns Alles frist,
Was der arme bosnische Bauer iszt!

Гофратъ Кристъ отличился необыкновенно куснымъ составленіемъ отчета о финансовомъ управленіи, напечатанномъ въ австрійской красной

*) См. № 24.

книгѣ, представленной делегаціямъ, и изъ котораго выходитъ, будто, за всѣми административными расходами, осталось 12,000 гульденовъ излишка; на дѣлѣ же, какъ я навѣрное знаю, остался недочетъ болѣе, чѣмъ въ 1 милліонъ гульденовъ, который народъ нашъ не заплатилъ и никогда не заплатитъ, потому что ему взять не откуда.

Православный Славянинъ изъ Босніи.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.

XIV.

Рабочіе «союзы сопротивленія» въ Англіи. (Продолженіе) *). Противорѣчіе ихъ стремленій съ тенденціями машиннаго производства. Непзвѣжность социальной революціи.

Эмансипаціонное движеніе англійскаго пролетаріата, какъ извѣстно, существенно отличается отъ этого же движенія на континентѣ. Въ противоположность социалистическимъ организаціямъ Франціи, Германіи, Испаніи и т. д., рабочіе союзы Англіи не строятъ свою агитацію и пропаганду на такомъ принципѣ или на такомъ теоретическомъ положеніи, которое въ самой основѣ подрывало бы современный капиталистическій строй общества. Дѣятельность этихъ союзовъ и по формѣ, и по цѣлямъ строго легальна. Благонамѣренность ихъ такова, что они заслужили похвалу и сочувствіи даже со стороны такихъ лицъ, какъ Жюль Симонъ. И вообще едва ли найдется теперь много публицистовъ и экономистовъ, которые отрицательно высказывались бы по отношенію къ англійскимъ «союзамъ сопротивленія». Большинство же буржуазныхъ «соціально-реформаторовъ» видятъ въ нихъ прочную основу водворенія мира и гармоніи между капиталомъ и трудомъ, якорь спасенія отъ грознаго призрака социалистической революціи. И тѣмъ не менѣе, нигдѣ непримиримый антагонизмъ труда и капитала и неспособность буржуазіи управиться громадными производительными силами нашего времени, — нигдѣ, словомъ, непзвѣжность народной революціи для водворенія социалистическаго строя не проявляется съ такой очевидностью, какъ именно въ Англіи. Только крайняя теоретическая близорукость или стремленіе во что бы то ни стало, закрывать глаза передъ грозною перспективой можетъ вести къ такому ослѣпленію вѣншей формой рабочаго движенія въ Англіи и убаюкиванію себя успокоительными для буржуа иллюзіями, что теперешняя «умѣренность» «союзовъ сопротивленія» — прочный залогъ вѣчнаго общественнаго мира въ Англіи и непркосновенности существующихъ социальнхъ отношеній.

Стремясь не къ кореннымъ измѣненіямъ существующаго общественнаго строя, а только къ нѣкоторымъ улучшеніямъ быта рабочихъ, англійскіе союзы сопротивленія естественно прежде всего обращаютъ свои усилія на обезпеченіе достаточнаго для жизни рабочаго и его семьи заработка и въ особенности постоянства этого заработка. Для дости-

*) Нынѣшняго генералъ-губернатора Далмаціи и главнокомандующаго въ Герцеговинѣ. Ред.